

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fkpnnc>

Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова

Тихомиров Никита Вадимович

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа мыслей российских крестьян в последние годы сплошной коллективизации. Цель – показать качественное своеобразие обыденного сознания крестьян в указанный период. Материалом послужил комплекс отчетных документов 1934–1936 гг., составленных учащимися московского Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я. М. Свердлова по результатам ежегодной летней практики, проводившейся в колхозах, совхозах и на машинно-тракторных станциях ряда регионов Центральной России. Новизна работы состоит в том, что названные материалы впервые были привлечены для изучения умонастроений колхозного крестьянства. Обоснован информационный потенциал данной части делопроизводственной документации Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я. М. Свердлова как источника по истории советской деревни в период ускоренных социалистических преобразований. Проанализированы несколько десятков студенческих отчетов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Теоретический фундамент исследования составили положения историко-антропологического подхода, нацеленного на выявление человеческого измерения в процессах развития общества в прошлом. Рассмотрение особенностей мировоззрения сельских обывателей происходило по трем направлениям: антитехнические, антимашинные и культурно-реакционные настроения. Колхозники были поверхностно осведомлены о новых подходах к организации труда и произвольно насыщали смыслами неизвестные для них понятия. Крестьянам отсталых колхозов нередко были присущи недоверие и настороженность в отношении машинной техники. Отказ от использования механизмов был вызван, прежде всего, отсутствием нужных навыков и понимания их пользы для ведения хозяйства. Новые ценности и навыки бытового поведения с трудом приживались в крестьянской среде, часто соседствуя со старыми нравами и привычками, не поддававшимися скорому истреблению грубым административно-пропагандистским напором. В конфликтах такого рода особенно ярко проявились противоречия города и деревни, идеологии революционного обновления и традиционных устоев. Полученные выводы расширяют научные представления о быте, нравах и обыденном сознании деревенского населения России в годы построения социализма.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический университет, крестьянство, ментальность

Цитирование: Тихомиров Н. В. Социально-культурные представления колхозников середины 1930-х гг. по отчетам студентов коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 951–964. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-951-964>

Поступила в редакцию 27.09.2024. Принята после рецензирования 25.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract: The mentality of Russian peasants underwent a fundamental transformation during the late collectivization. These changes were reflected in reports made by students of the Moscow All-Union Communist Agricultural University in 1934–1936 during their annual summer practices on collective and state farms or in tractor depots of Central Russia. The documents demonstrated a great information potential as a source on the Soviet rural history in the period of turbulent social transformations. The theoretical part of the research relied on the historical and anthropological approach that focuses on the human dimension in the history of social development. The empirical part included several dozen reports stored in the State Archive of the Russian Federation. The students' reports described anti-technical and anti-machine sentiments in rural workers, who demonstrated a general reactionary attitude to Soviet culture. Collective farmers were only superficially familiar with the new approaches to organized farming labor. As a result, they gave their own meanings and interpretations to the new concepts. Farmers in retrogressive collective farms mistrusted machine technology. They lacked the necessary skills to use machines and were not aware of their benefits. It took new values and skills a long time to take root in the peasant environment: the new worldview coexisted with the old morals and habits, which endured the blunt propaganda and administrative pressure. The resulting clash of rural and urban attitudes illuminated the gap between the traditions and the revolutionary ideology. These findings expand the scientific ideas about the everyday life, customs, and worldview of Russian peasants during the early years of Socialism.

Keywords: history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, peasantry, mentality

Citation: Tikhomirov N. V. Socio-Cultural Worldview of Soviet Collective Farmers in Mid-1930s as Reported by Students of Sverdlov Communist Agricultural University. *SibScript*, 2024, 26(6): 951–964. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-951-964>

Received 27 Sep 2024. Accepted after peer review 25 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

Повседневность российской деревни периода социалистической модернизации образует обширную проблематику, разработка которой вошла в число приоритетных задач исторической науки на современной ступени ее развития. Историография советского и постсоветского времени активно разрабатывала вопросы институциональной перестройки крестьянского хозяйства, социально-политические, экономические и культурные аспекты коллективизации на общесоюзном уровне [Вязинкин 2022; Грациози 2008; Ивницкий 2000; Кедров 2017; Мельникова 2009; Фицпатрик 2008]. Представители марксистской историографии сталинского периода придерживались тенденциозного подхода

в объяснении проблем, сопряженных с утверждением колхозного строя, подчиняя свои выводы руководящим указаниям «Краткого курса истории ВКП(б)» [Селунская 1956: 195–197]. В их трудах сопротивление крестьян насильственному обобществлению имущества, внедрению нового хозяйственного уклада и т.д. объяснялось деятельностью классовых врагов – кулачества. Тем самым избыточно упрощалось понимание противоречий, присущих развитию деревни в 1930-е гг., истинные причины множественных конфликтов оставались невыясненными. Попытки критического осмысления процесса преобразования деревни были предприняты историками в 1960–1970-е гг. [Ивницкий 1972]. В исследованиях перестроечного десятилетия

и раннего постсоветского времени эти тенденции заметно усилились [Данилов 1990].

В условиях парадигмальной перестройки научного знания на рубеже веков сложились теоретические предпосылки к всестороннему рассмотрению истории российского крестьянства с привлечением новых методологических установок, что позволило существенно расширить представления о качественном своеобразии процессов, охвативших деревню в годы коллективизации. Сегодня исследователи посвящают значительные усилия изучению образа жизни и быта [Гончарова 2018; Слезин, Якимов 2022; 2024; Тихомиров 2024а; 2024с], общественного сознания и умонастроений [Вязинкин, Якимов 2022; Ипполитов 2022; Кедров 2013; Слезин 2022], духовно-нравственных представлений [Батченко 2014; Покровская 2022] и политического поведения [Безгин, Николашин 2019; Виола 2010; Вязинкин, Якимов 2023; Зверков 2022; Рыбаков 2020; Тихомиров 2024b; Якимов 2023] крестьян на начальном этапе государственного строительства в СССР. Вниманием историков было охвачено пространство советской России в целом [Грациози 2008; Фицпатрик 2008], а также отдельные административные и историко-географические единицы в ее составе [Ильиных 2021; Кедров 2013; Покровская 2022; Рыбаков 2020] за указанный период. Выводы, полученные на материалах различных регионов, свидетельствуют о повсеместном существовании глубоких противоречий между традиционным сознанием российской деревни и новыми социально-культурными установками, насаждавшимися большевиками в деревне.

Насущной задачей, стоящей сегодня перед исторической наукой, является наращивание информационного обеспечения изысканий об особенностях сознания и обыденного мышления российского крестьянства в период начала и подъема социалистического строительства в 1920–1930-е гг. посредством расширения их источниковой базы, включения в научный оборот ранее не использованных памятников.

Предметом настоящей статьи является будничное сознание сельских обывателей центральных регионов РСФСР в середине 1930-х гг., т. е. на завершающем этапе сплошной коллективизации. Новизна работы связана с вовлечением в исследовательскую практику письменных памятников, ранее не привлекавшихся для такого рода изысканий. Цель – показать качественное своеобразие обыденного сознания крестьян в указанный период. Задачи: проанализировать массив документов, обладающих общими видовыми признаками (см. далее), выявить и классифицировать

отраженные в них особенности хозяйственно-бытовых воззрений сельских обывателей, проследить с опорой на конкретные примеры влияние данных воззрений на ход социалистической перестройки деревни.

Методы и материалы

Материалом для анализа послужили отчетные документы о производственной практике студентов Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета (ВКСХУ) им. Я. М. Свердлова. Комплекс этих документов отложился в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и включает более 200 отчетов, составленных в 1934–1936 гг.

«Свердловия» готовила специалистов для управления крупным социалистическим хозяйством, и непременной составляющей учебы была деревенская практика. Университет во взаимодействии с районными комитетами ВКП(б) направлял учащихся в колхозы, совхозы и на машинно-тракторные станции (МТС), развитию которых они должны были всесторонне содействовать, приобретая полезные рабочие навыки. Студенты получали направления на работу в Азово-Черноморский край, Воронежскую, Калининскую, Курскую, Московскую и Ярославскую области. Ход и результаты практики отражались в индивидуальных и групповых отчетах. В них содержатся разнообразные сведения об общем состоянии сельхозпредприятий, труде и жизни деревенских работников.

По годам и территориям документы распределены следующим образом:

- Азово-Черноморский край (1934) – 5 сводных отчетов руководителей практики и 3 протокола студенческих собраний;
- Воронежская область (1936) – 41 индивидуальный отчет и 1 дневник;
- Калининская область (1935) – 32 индивидуальных и групповых отчета и 2 дневника;
- Курская область (1936) – 70 индивидуальных и групповых отчетов и 2 докладные записки;
- Московская область (1935) – 22 индивидуальных и групповых отчета и 3 протокола студенческих собраний;
- Ярославская область (1936) – 22 индивидуальных отчета, 5 дневников и 2 сводных отчета руководителей практики.

Также представлены единичные отчеты о работе в Челябинской области, Северо-Кавказском крае, Мордовской АССР, Татарской АССР, Кабардино-Балкарской АО, Хакасской АО, Армянской ССР и Узбекской ССР. По два отчета – из Марийской АССР

и Казахской ССР. Ввиду того что в некоторых отчетах даны лишь названия колхозов и совхозов без указания области либо района, приведенные сведения по ряду областей за 1935–1936 гг. могут содержать небольшую погрешность.

Исследование призвано раскрыть познавательные возможности анализируемого комплекса документов и определить их информационный потенциал в свете актуальных проблем отечественного крестьяноведения.

Пребывая в крестьянской среде, студенты сталкивались со множеством пережитков, закрепившихся в традиционном сознании крестьян и проявившихся в их повседневных практиках. Предубеждения, заблуждения и суеверия не только противоречили новой коммунистической морали, но и вредили социалистическому преобразованию деревни. Свердловцам приходилось бороться с реликтами старой культуры, меняя по возможности мышление и нравы людей. Проблемы, стоявшие перед ними в этой связи, можно свести в четыре группы:

- 1) антисоветские (антиколхозные) настроения;
- 2) антитехнические настроения;
- 3) антимашинные настроения;
- 4) культурно-реакционные настроения.

Данные стороны колхозной действительности в разной мере получили отражение в подавляющем большинстве обсуждаемых материалов. Сводные документы указывают на соответствующие тенденции как повсеместно распространенные (например, сводный отчет по итогам практики второго курса за 1936 г.)¹. Это связано с тем, что студентов распределяли на практику преимущественно в слабые и отсталые хозяйства, порой пребывавшие в состоянии глубокого упадка, где выпукло и даже воинственно проявлялся традиционализм обывателей.

Здесь мы не касаемся вопросов, относящихся к первой группе проблем. Данная тема, широко представленная в отчетах, требует специального исследования. В поле нашего внимания будут находиться три оставшиеся группы явлений, которые мы обобщим категорией *социально-культурные представления*. По названной выше причине мы избегаем

использования категории *сознание* как обладающей значительно большим объемом и включающей все многообразие мировоззренческих установок человека, в том числе не затрагиваемые здесь общественно-политические взгляды. Таким образом, наш интерес направлен на изучение фактов обыденного мышления крестьян, сопряженных с их бытом, трудом, досугом и межличностными отношениями. Заданное таким образом проблемное поле исследования требует историко-антропологического подхода к работе с материалом, т. е. рассмотрения явлений колхозной действительности в человекообразном масштабе. Это позволяет выявить и описать структуры повседневности малых (крестьянских) сообществ, динамично соединяющих в себе три группы элементов: вещественное окружение, мыслительные образцы и навыки поведения.

Результаты

Антитехнические настроения

Этой категорией мы обозначаем совокупность взглядов колхозников, производных от неприятия ими агротехнических новшеств, например: возделывание новых культур, применение передовых методов хозяйствования, рационализация труда и т. д. Часто такие явления развивались в полную бесхозяйственность. Сообщения о противоречиях этого рода содержатся в отчетах за весь охваченный период в наибольшем количестве. Тем или иным образом они отразились в 74 отчетных документах (не считая содержащих обобщенные выводы)². При этом почти все авторы за редким исключением упоминают о принятых ими мерах по наведению элементарного порядка в области расстановки сил и организации работ, что служит косвенным свидетельством наличия обсуждаемых явлений.

Учащийся Топчийн писал о колхозе «Красный совет» в Опочецком районе Калининской области: «Колхозники и даже сам предколхоза заражены отсталыми настроениями <...> рабочие планы, это, мол, формальное дело, зачем, мол, звенья в бригаде и сдельщина, скопом веселей работать»³. После разъяснений

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 1–2.

² Здесь и далее в подобных случаях не учитываются высказывания на итоговых собраниях и сводные отчеты о работе студенческих бригад по районам. В то же время подсчет произведен без различия документов, дающих сведения по отдельным предприятиям и кустам колхозов в границах сельсовета либо области ответственности МТС. Это обусловлено отсутствием во многих материалах указания точного числа проблемных объектов среди общего количества наблюдавшихся. То есть приведенные цифры отражают статистику по студенческим отчетным документам, но не по характеризующим ими предприятиям (крестьянским сообществам), число которых значительно выше, но не всегда поддается точному исчислению.

³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 91. Во всех цитатах из отчетов сохранены авторские орфография и пунктуация.

часть людей приняла доводы студента о пользе нововведений, иные же, покачав головами, заявили: «нам нечего и трудно говорить, вы-то много и красиво говорите», – и разошлись⁴.

Некоторые студенты встречали так называемые «антисилосные настроения»⁵, также выраставшие из нежелания крестьян перестраивать свой труд, а именно участвовать в соответствующих мероприятиях. Группа практикантов отмечала бытование предрассудков о силосе по всему Луковниковскому району Калининской области⁶. Поведение такого рода можно объяснить непониманием со стороны земледельцев пользы от указанного занятия и проистекавшими из этого наивными опасениями о возможном ущербе хозяйству вследствие нарушения заведенного исстари порядка.

Помимо сопротивления новым видам и формам работы, наблюдалось и нежелание менять порядок хорошо известных операций. Крестьяне колхоза «1 мая» Мартыновского сельсовета в Калининской области выступали против прополки зерновых, используя своеобразный довод, что это якобы есть «кулацкая затея, а кто заставляет полоть, то это кулаки»⁷. Примечательна здесь категория *кулак*, использованная для указания на злого вредителя и лишенная всякого экономического содержания. Как видно, в некоторых местах революционная риторика оставалась невнятной обывателям даже по прошествии пяти лет радикальной большевистской политики.

Резкое неприятие агротехнических новаций обнаруживалось в ряде льноводческих артелей. Так, в колхозе «Большевик» Овинищенского района Калининской области бригадир, возражая против теребления льна в ранней желтой спелости, заявил: «Пусть меня сажают, но я не дам теребить»⁸. В упомянутом выше колхозе «1 мая» один из бригадиров не только отказывался начинать работы в указанные практикантом сроки, но даже назвал это «вредительством со стороны государства»⁹. Крестьяне стремились уклониться

от нарушения привычного порядка вещей не только в силу инертности, но и потому, что ощущали действительную угрозу собственному благополучию. Свердловцам стоило серьезных усилий преодолеть возникавшую по этому поводу враждебность. Один из них писал, что его группе пришлось особенно много трудиться в Денежновском сельсовете Калининской области, ведя «настоящие бои», чтобы преодолеть предрассудок, будто лен нельзя теребить в сырую погоду, и приучить колхозников выходить на теребление до солнца «и теребить его не только с росой, но и в дождь, ставя затем в конуса и связывая в маленькие снопочки»¹⁰.

В некоторых местах колхозники противились внедрению технических культур, усматривая в них причину продовольственного оскудения. В одном из хозяйств Ярославской области студент отмечал «антигосударственные настроения против льна»¹¹. В другом работники заявляли, что лен себя не оправдывает, а «гробит» их¹². В Ясеновском районе Курской области практиканту пришлось «разбить антисвекольные настроения» колхозников, разъясняя экономическую «выгодность» свеклы¹³. Вероятнее всего, проблемы были вызваны нарушением прежнего хозяйственного уклада в деревне, внедрением технических культур помимо либо вместо ранее выращивавшихся зерновых, что крестьянами могло восприниматься как причина продовольственных трудностей.

Характерно, что руководители на местах подчас не могли переломить антитехнических настроений, поскольку сами придерживались отсталых воззрений. В 1934 г. студентка доказывала директору одной из МТС Азово-Черноморского края, что он неправильно руководит агротехническими мероприятиями, на что тот заявил, что свердловский университет готовит невежд¹⁴. (Есть основания предположить правоту практикантки как имевшей хорошую теоретическую подготовку, в отличие от многих работников на местах.)

⁴ Там же. Л. 91 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 51.

⁹ Там же. Л. 43 об.

¹⁰ Там же. Л. 11 об.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 101 об.

¹² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 167.

¹³ Там же. Л. 37.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 47.

Порой даже профильные специалисты в провинции обладали весьма скромной компетенцией, негодные кадры встречались в ряде районов. «Менялись мнением с местным агрономом. Выявили его негодность»¹⁵, – сообщил один из учащихся. «В некоторых вопросах лучше разбираемся, чем некоторые агрономы», – отмечал другой, подчеркивая, что даже студенты с низкими оценками превосходили местные кадры¹⁶. «Крайне слаб, беспомощен»¹⁷, – отзывался практикант об агрономе колхоза «Переменник» в Чернянском районе Курской области.

К отсталости в агротехнике добавлялось неприятие артельщиками новых способов организации труда. С 1936 г. по стране развернулось массовое движение стахановцев, и командированные в деревню практиканты настойчиво внедряли там соответствующие практики. Крестьяне по-разному встречали такой почин. К примеру, в колхозе «Девятое января» Ярославской области часть крестьян высказалась против соревнования и премирования ударников, считая это искусственным расслоением: «Зачем нас раскалываете? как работали так и будем работать»¹⁸. В Ненашеве Московской области селяне упорно саботировали заключение соцдоговоров. Студент сообщал: «Любой районный договор обсуждаешь – все согласны. Только начинаешь обсуждать индивидуальные договора – уперлись в стенку. Пришлось много времени на это тратить, и то 100 % не удалось охватить индивидуальными договорами»¹⁹.

В других местах инициативе не возмущались, но были убеждены в невозможности претворить ее в жизнь. Например, в колхозе «Красный маяк» на Ярославщине категорически отказывались даже обсуждать участие в стахановском движении, уверяя, что в их условиях оно невозможно. Такую убежденность питали слухи об опыте других колхозов, где стахановские звенья собирали худший урожай, а некоторые просто распались²⁰. Молва, вероятно, имела основания: там, где ударничество насаждали сугубо распорядительным порядком, без надлежащей

подготовки, последствия могли быть закономерно плачевными. К этому можно добавить, что низовые руководители часто не понимали смысла спускаемых сверху установок и не разбирались в содержании новых идеологических формул. В одном сельсовете на вопрос практиканта о наличии ударников председатели колхозов и бригадиры улыбались и отвечали: «все ударники, здорово ударяют особенно бабы»²¹. В колхозе им. Буденного Курской области члены правления заявили, что стахановцы бывают лишь на производстве (заводском), а у них – нет²². Кое-где требование о внедрении стахановских начал исполнили, но с топорной формальностью. В колхозе «Крестьянин» Ярославской области собрали ударный отряд по разнарядке: «Выберем Марью – пусть походит в стахановском звене»²³. Такие выдвигенцы подчас ничего не знали про движение, хотя состояли в звене по 3–4 месяца.

Приведенные примеры показывают, что колхозники, обладая весьма поверхностной осведомленностью о новых подходах к организации труда, часто понимали их сущность лишь наитием, произвольно насыщая смыслами неизвестные для них понятия.

Антимашинные настроения

Такая категория использована в отчетах для обозначения пассивного и активного сопротивления колхозников использованию разнообразных сельскохозяйственных машин. Упоминания о подобных явлениях, а также небрежном, разрушающем отношении к механизмам встречаются в документах реже прочих, что во многом обусловлено тем, что на местах часто не было машинной техники. К примеру, в 1936 г. 37 студентов-второкурсников работали в пяти «недостаточно механизированных» районах Ярославской области²⁴. Всего упомянутые настроения нашли отражение в 38 отчетных материалах.

Комбайны, трактора и другая техника не применялись как от недостатка последних и безалаберного отношения к ним, ведшего к порче, так и в силу

¹⁵ Там же. Л. 62 об.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 89 об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 112 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 20 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 96.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 81 об.

²¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 91 об.

²² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 73 об.

²³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 12 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 70 об.–76.

разнообразных предрассудков. Например, в 1935 г. руководство подмосковной артели им. Сталина отводило под комбайн маленькие и засоренные участки, предпочитая обрабатывать основные угодья вручную²⁵. В соседнем колхозе «1 мая» бытовали, по выражению практиканта, «антизерноуловительные» настроения²⁶. О повсеместном распространении «антимеханизаторских» настроений в Калининской области писали в другом отчете²⁷. В том же году подмосковный колхоз «Путь к социализму» заключил договор с Можайской МТС, по которому после уборки вики-сена с занятого пара надлежало провести пахоту тракторами. Несмотря на это, правление колхоза в итоге распорядилось пахать конными плугами²⁸. В Марийской автономии в 1936 г. колхоз «Броневик» вовсе не допускал тракторных бригад на перепашку пара²⁹.

В 1934 г. студенты не смогли ознакомиться с работой сельхозмашин в двух МТС Азово-Черноморского края, поскольку те просто не применялись³⁰. Причиной в данном случае, вероятно, служило то, что колхозы избегали привлечения МТС к возделыванию земли, видя в них причину своего экономического упадка: работу тракторов и комбайнов нужно было оплачивать, и это дополнительно подрывало и без того скверное положение ряда хозяйств. В 1936 г. на общем собрании одного из колхозов Круmlinского сельсовета Воронежской области колхозница – член сельсовета – «яро выступила» против механизации, утверждая: «все равно у нас никогда хлеба не будет, не останется, МТС весь забирает за работу, а если бы у нас было бы много лошадей, то другое дело». Некоторые работники выразили ей поддержку, так что практиканту пришлось подробно растолковывать собравшимся значение МТС в деле «ускорения зажиточности колхозов» и доказывать,

что станция по сути «даром работает для колхозников»³¹. Те же опасения, что МТС «много заберет за работу», высказывались и в других артелях³².

Если в одних случаях за отказом от применения машин заметна экономическая подоплека, то в других – только грубые предрассудки. Так, председатель колхоза «Дружба» Пашкинского района Ярославской области на предложение соседнего колхоза помочь техникой ответил: «Машина нам не нужна, потому что женщины не любят машину»³³. В Курской области завхоз одной из артелей упорно сопротивлялся попыткам свердловцев задействовать машинную технику, заявляя: «Нам не нужна молотилка»; «Колхозники и с землей хлеб съедят»³⁴.

Студенты сообщали о многих случаях безалаберного отношения колхозников к машинным фондам, несоблюдении простейших требований к их использованию и хранению, отчего техника приходила «в самое некультурное состояние»³⁵. В зерносовхозе имени Варейкиса Воронежской области техника была непригодна к использованию и требовала основательного ремонта вследствие «преступного отношения» к ней в осеннее и зимнее время³⁶. Где-то крестьяне вовсе не усматривали смысла в использовании механизмов. К примеру, в ярославском колхозе «Новая жизнь» к началу весенней уборочной кампании 1936 г. жнейки, имевшиеся в наличии, не подготовили к работе и даже не рассчитывали использовать, отговариваясь их непригодностью и отсутствием кадров³⁷. Практиканту пришлось самому единолично привести технику в надлежащее состояние.

Встречались и подлинно комичные ситуации. Крестьяне колхоза им. Крупской в Залогощенском районе Курской области, явно тяготясь находившейся у них сноповязкой, тщетно пытались от нее избавиться: предназначавшуюся для машины воду

²⁵ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Л. 64 об.

²⁸ Там же. Л. 104.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 43.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 53 об.

³¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 79 об.–80.

³² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 67.

³³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 22.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 91.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 1. Л. 31.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 42.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 7. Л. 7 об.

отвезли в другое место, надеясь, что механизм будет простаивать и его заберут из колхоза³⁸.

Подытоживая, можно отметить, что крестьянам отсталых колхозов нередко были присущи недоверие и настороженность в отношении машинной техники. Отказ от использования механизмов был вызван, прежде всего, отсутствием нужных навыков и понимания их пользы для ведения хозяйства. Порой это положение усугублялось ложной убежденностью обывателей в том, что их разорение было вызвано именно применением комбайнов, тракторов и других орудий, внедрение которых нарушало традиционный трудовой уклад.

Культурно-реакционные настроения

Данная категория обобщает ценностно-мировоззренческие установки деревенских обывателей. Часто их отличали отсталость и традиционализм, не испытывавшие существенного влияния культурной революции. О косности, малограмотности и пороках обыденной жизни колхозников упоминают авторы 58 отчетов.

Студенты встречали в деревне повальную безграмотность, отчетливо заметную даже на исходе второй пятилетки. Например, в нескольких сельсоветах Оленинского района Калининской области практиканты констатировали чрезвычайно низкий уровень развития колхозной молодежи – множество неграмотных, особенно девушек³⁹. В свиноводхозе «Луч» Воронежской области студент насчитал 100 неграмотных из 500 рабочих⁴⁰. Его коллега в одном из совхозов наладил работу образовательных кружков, благодаря чему совершенно неграмотные коммунисты научились читать по букварю, а те, кто считал, «что они хорошо грамотны, и что им теперь можно не учиться <...> принялись за изучение дробей»⁴¹.

Дремучее невежество в наиболее запущенных артелях существовало вместе с беззаконием. Практикант, работавший при партийно-комсомольской группе

колхоза «Красная звезда» Курской области, отмечал: «большинство неграмотны, пассивны, три кандидата имеют судимость»⁴². По сведениям бригады студентов, изучивших положение Дубровского сельсовета Калининской области, в 11 тамошних колхозах были сильно развиты «спекуляция, воровство и бандитизм». Как следствие, среди обывателей была велика доля судимых, доходившая в некоторых местах до 50 % от числа населения⁴³. Похожая ситуация сложилась и в других сельсоветах по области – Мартыновском⁴⁴, Перховском⁴⁵ и т.д. Со слов практиканта, посетившего колхоз им. Кирова Ненашевского сельсовета Московской области, «там публика на 90 % имеет судимость, как женщины, так и мужчины, за воровство, за хулиганство»⁴⁶. Противообщественные наклонности у крестьян во многих местах питала хозяйственная разруха, вызванная неумением поставить работу в условиях колхозной организации. Развал последней закономерно влек и обнищание отдельных колхозников, которые ради жизнеобеспечения шли на мелкие нарушения и преступления.

Безусловное раздражение практикантов вызывала привычка крестьян справлять христианские праздники. Это не только противоречило положениям официальной пропаганды, но и срывало мобилизацию сил при проведении посевной и уборочной кампаний. Иногда колхозники предпочитали посещение церкви выходу на полевые работы⁴⁷. Студент Орбелян, прикрепленный к одному из колхозов Курской области, отмечал особые трудности при организации работы по воскресеньям и в дни христианских праздников, «ибо еще поныне на местах есть остатки придерживания к религиозным обрядам»⁴⁸. «Колхозники религиозные, ни одного праздника религиозного не пропускали»⁴⁹, – отмечал другой практикант. Его коллега в Калининской области критиковал председателя колхоза за «бездействие (вернее, личную инициативу) в устройстве

³⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 65.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 13.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 100 об.

⁴¹ Там же. Л. 90 об.

⁴² Там же. Л. 131 об.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Л. 41.

⁴⁵ Там же. Л. 99.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 2. Л. 95 об.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 28 об.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 6. Л. 79.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 44.

поповских пьяных праздников» в ущерб колхозной работе⁵⁰. Во время Пасхи в Епанчинском сельсовете Воронежской области секретарь сельсовета, он же комсорг, «принял попа для молитвы»; там же директор школы вместе с супругой-пионервожатой и неким комсомольцем «приняли попа на дом для молитвы и сидели за столом вместе кушали»⁵¹.

Служители культа пользовались уважением у крестьян, а их услуги оставались востребованы. Они разъезжали по деревням в поисках паствы и заработка. «Был случай, явился поп восстановить закрытую церковь и собрал разные сборы»⁵², – сообщал практикант из Великолужского округа Калининской области.

В студенческих отчетах не упоминается о решительных выступлениях против нападков на религию; в то же время резкие выпады против колхозов и советской власти отмечаются не единожды. Это можно объяснить тем, что натиск на церковь не отражался в целом на жизненном благополучии деревенских обывателей, а потому не возбуждал в них той же острой неприязни, как хлебозаготовки, обобществление скота и т.д. Вероятно, крестьяне, сохраняя приверженность старине, избегали в присутствии свердловцев суждений, порицаемых богоборческой моралью. Люди не были готовы отказаться от привычных устоев и жизненных навыков, но, понимая враждебное отношение к ним приезжих коммунистов, старались действовать, не привлекая лишнего внимания.

Впрочем временами традиция проявлялась в полную силу. Студент Булгаков описал показательный случай, имевший место в 1936 г. в колхозе «Ясная поляна» Палкинского района Ярославской области. Накануне Ильина дня женщины взялись обсуждать с бригадиром вопрос о приглашении попа с молебном, но, заметив приближение студента, «бросились бежать на теребление льна»⁵³. Позже явился поп и служил молебны по домам, встречаемый колхозницами, которые утром не вышли на работу, сказавшись больными⁵⁴. На следующий (праздничный) день крестьяне массово отказались работать и готовились к предстоящим гуляниям, встречали гостей из других деревень. После

обеда на улице появились подвыпившие артельщики, и практикант во избежание неприятностей ушел к своему товарищу в соседний колхоз, где пробыл до вечера. Вернувшись, он застал поселок «неузнаваемым»: улицы были полны пьяным народом. На следующий день большинство колхозников снова не вышли в поле уже по причине престольного праздника. «Агитация» студента не исправила положения – артельщики с большей охотой внимали бригадирам и председателю колхоза, склонявшим их отказаться от работы. Последний распорядился закупить водки на 40 руб. и распределил ее среди крестьян в счет аванса за заготовку льна⁵⁵.

Этот пример показывает, что христианские праздники не имели для селян вероучительного либо мистического контекста, но были важной составляющей досуговых практик, обеспечивавших общение и совместное времяпрепровождение. Свердловцы, воспитанные в духе вульгаризованного марксизма, видели в этом лишь внешние проявления, которые воспринимали как исключительно асоциальные пережитки.

В некоторых случаях предрассудки деревенского населения принимали действительно крайне архаичные формы. К примеру, крестьяне одного из колхозов Калининской области устраивали моления о дожде⁵⁶.

В то же время деревенские жители поддавались антирелигиозной и прежде всего антицерковной агитации. Хотя и неохотно, но в целом они поддерживали соответствующие начинания. Один из практикантов записал в отчете: «Много времени и сил мы потратили на работу по закрытию церкви и оборудованию ее под ссыпной пункт, а потом под клуб <...> нам пришлось вынести всю тяжесть массово-разъяснительной работы»⁵⁷. Местные активисты не умели и не считали нужным убеждать население, а пытались решать задачи средствами принуждения. Это отчасти объясняет затруднения в насаждении новых идей – подавляющее большинство советских и партийных руководителей низового звена не умели работать с людьми из-за отсутствия нужных знаний и навыков. Подключение к делу студентов комвуза позволяло продвигать его в нужном направлении.

⁵⁰ Там же. Л. 53 об.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 79 об.

⁵² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 94 об.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 140 об.

⁵⁴ Там же. Л. 141.

⁵⁵ Там же. Л. 142–142 об.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 44.

⁵⁷ Там же. Л. 11 об.

Один из эмиссаров «Свердловии» в 1935 г. провел в одном из курских колхозов подписку о передаче здания церкви «под культурные цели», заручившись согласием 97 % работников⁵⁸. Учащийся Топчийн в 1936 г. в Круглинском сельсовете Воронежской области при помощи председателя сельсовета (выпускника региональной партшколы) собрал в течение суток 650 подписей (из требуемых 1500) за закрытие местной церкви⁵⁹. Он же сообщил о любопытном случае, произошедшем при сборе подписей в колхозе им. XVII партсъезда соседнего Глазковского района. Приведем выдержку из его отчета: «старик лет 64, не ехидный, очень приятное лицо, оставляет "мужицкую" бороду в аккуратном виде <...> до коллективизации – маломочный середняк, в колхозе с 1930 г., работает неплохо. В присутствии меня, когда бригада вошла в правление для сбора подписей по закрытию церкви, там присутствовало около 20 человек, и этот старик там. Бригада начала разъяснять и оформлять подписи, начиная из самых активистов, колхозники подписывают и вызывают друг друга. А этот старик наблюдает и постепенно отходит далеко к окну и останавливается с какими-то внутренними переживаниями. Когда колхозники обращаются к нему и делают вид призыва на подпись, а этот старик то молчит, то осторожится, то делает боязливые улыбки и т.д. Тогда я позвал к себе этого старика садиться со мной, но он не решился. Потом я сам подошел к нему и, стоя с ним, потихоньку поговорил о ненужности церкви и необходимости для школы и клуба и т.д. Смотрю, он вздохнул глубоко, улыбаясь, маленько махает рукой и заговаривает что "церква-то мне не нужно давно, давно я туда не хожу, но подписать самому что-то не хочется, обойдитесь без моего подписи" и т.д. Тогда я его обнял, вроде взял под руку, и пытался вести к столу для подписи и говорил, что "раз так, подпись ваша необходима для нашего коллектива". Когда подошли к столу, он минутку посмотрел на подписной лист и подписавшихся, вдруг взял ручку и расписывался без остатков, а до его подписи присутствующие прямо перестали дышать: "что же будет, боже мой". А как только этот старик расписался, вдруг – гром аплодисментов и радостный смех. Я воодушевленно

пожимаю руку этого старика, и он тоже с нами вместе начал радостно смеяться. Прямо перед нашими глазами переродился, стал легким, быстродвижущимся и радостным, приятным старичком. Таких фактов там было много и с женщинами, и с мужчинами»⁶⁰.

Сравнительная податливость крестьян в вопросе упразднения церковного служения может объясняться разными причинами, что требует специального исследования. Здесь отметим лишь то, что факты, подобные приведенным выше, свидетельствуют о часто безразличном отношении деревенского населения к институту церкви, но не обязательно об отказе от представлений о сверхъестественном и от наивно-мистического восприятия отдельных явлений действительности.

Еще одна проблема заключалась в настороженном отношении крестьян к новшествам бытового толка. Например, устройство детских яслей для разгрузки трудящихся женщин кое-где встречало сопротивление. Работница колхоза «1 мая» Мартыновского сельсовета Калининской области заявила: «Детские ясли это только для скота устраивают, мы детей своих не понесем»⁶¹. Этот эпизод, комичный по своей сути, подсвечивает особенность традиционного мышления деревенских обывателей, с особым недоверием встречавших изменения в привычном порядке вещей.

Трудно искоренялись предрассудки в отношении женщин. Практикант Ремизов нашел в колхозе Солигаличского района Ярославской области крайне пренебрежительное в нем отношение, в частности оскорбления и «беспощадную ругань матом» со стороны бригадира. На бригадном собрании студент разъяснял колхозникам «о значении женщины и необходимости ей помощи»⁶². В Троснянском районе Курской области колхозницы делились с практиканткой переживаниями о своем положении в новых условиях. Одна из них обижалась, что в колхозе «не зважают женщин»⁶³. Другая интересовалась, почему женщин не берут в армию и военные школы⁶⁴. Третья рассуждала: «Вы нам разъясняли, что каждый имеет право на образование. Это прелестно. Но вот мы, женщины, почти все знаем грамоту, да ничего с нас хорошего не получается, нас никуда не выдвигают,

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 152.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 5. Л. 76 об.

⁶⁰ Там же. Л. 77–77 об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 3. Л. 43.

⁶² ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 8. Л. 117.

⁶³ Там же. Л. 77.

⁶⁴ Там же. Л. 81.

ни в кладовщики, ни в сельсовет, и выходит, что грамота женщине не нужна»⁶⁵. Из Чернянского района Курской области студент сообщал, что в двух обследованных им сельсоветах просветительскую работу с женщинами не вели: «женщина как сила не считается, даже хуже того – игнорируется и недооценивается»⁶⁶.

Таким образом, новые ценности и навыки бытового поведения с трудом приживались в крестьянской среде, часто соседствуя со старыми нравами и привычками, не поддававшимися скорому истреблению грубым административно-пропагандистским напором. В конфликтах такого рода особенно ярко проявились противоречия города и деревни, идеологии революционного обновления и традиционных устоев.

Заключение

Колхозная деревня в отчетах практикантов предстает полной противоречий, пронизывавших досуг, труд, быт, межличностные отношения. В ходе наспех проведенной коллективизации оказался разрушенным прежний уклад жизни крестьян, а новый зачастую не смог привиться вследствие отсутствия систематического руководства и предпосылок внутри местных сообществ. Свердловцам приходилось бороться с архаикой, воплощенной в представлениях и поведенческих навыках земледельцев и мешавшей им воспринять передовой опыт культурно-бытового и хозяйственного развития. В сообщениях практикантов оказалось отражено столкновение глубоко традиционного мира российской деревни с идеалами и практиками индустриального общества в его советском изводе. Примечательно, что многие описанные факты имели место незадолго до объявления руководством СССР успешного окончания сплошной коллективизации. Обсуждаемые документы показывают, насколько параметры макросистемы советского общества были различны с положением дел на микроуровне, распадающемся на множество малых сообществ, по-разному воспринимавших импульсы модернизации, посылаемые союзным центром. Вековой традиционализм откликнулся на них «болезненной реакцией иммунной системы сельского социума» [Вязинкин, Якимов 2022: 1298]. Прививка прогрессивной нови требовала долгой перестройки поведенческих установок, мышления и отношения к окружающей действительности, что отнюдь не было завершено к исходу второй декады социалистического строительства.

Анализ материалов колхозной практики ВКСХУ им. Я. М. Свердлова показывает, что во многих районах, куда отправляли его учащихся, социалистическое преобразование деревни шло самотеком, помимо организованной работы с крестьянами. Отсутствие квалифицированного руководства и разъяснений сохраняло неизблемыми традиционные взгляды сельских обывателей, а неизбежные при этом провалы колхозного строительства укрепляли последних во враждебном отношении к соответствующим нововведениям. Сказывалось также отсутствие (либо нехватка) подготовленных кадров, способных обслуживать разнообразные машины и механизмы и привить колхозникам правильное к ним отношение. Представляется, что такое положение дел стало закономерным следствием стремления советского государства ускоренно создать новые формы сельскохозяйственной организации ранее воспитания необходимого числа специалистов для их обеспечения. Бригадиры и председатели колхозов, будучи малообразованными выходцами из числа возглавляемых ими селян, часто воспроизводили в своей практике привычные и единственно понятные им образцы трудовой деятельности. Еще более устойчивыми были бытовые воззрения и привычки крестьянства, не зависевшие напрямую от уровня производственных навыков и агрономических знаний. Частично они могли быть купированы усилением дисциплины, вовлечением граждан, особенно женщин, в решение общественно важных задач, что и делали по мере возможности студенты. Однако полное культурное обновление деревни не было возможным в пределах двух пятилеток, оставаясь проблемой гораздо большего исторического масштаба.

Материалы студентов-коммунистов содержат свидетельства о различных структурах крестьянской повседневности 1930-х гг., являясь важным источником для рассмотрения советской коллективизации в человекообразном масштабе. Вовлечение данной документации в практику научных исследований позволяет расширить представления классической историографии, сосредоточенной на истории больших социальных групп, например крестьянства как обобщенной категории. Корпус отчетов учащихся свердловского университета открывает возможности для исследования колхозных крестьян как «непосредственных акторов аграрной истории» [Ильиных 2021: 72]. Обсуждаемые

⁶⁵ Там же. Л. 90 об.–91.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р5221. Оп. 25. Д. 4. Л. 123.

тексты обладают потенциалом для осуществления на их основе изысканий в таких предметных областях, как история повседневности, микроистория, история ментальностей, отечественное крестьяноведение. Необходимая информационная отдача может быть достигнута посредством историко-антропологической критики, опыт которой в первом приближении представлен в настоящей работе.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Батченко В. С. Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов: опыт составления электронной базы данных (на примере Западной области). *Труды Института российской истории РАН*. 2014. № 12. С. 371–381. [Batchenko V. S. Peasant resistance to the anti-religious policy of the state in the late 1920-s – early 1930-s: The experience of compiling an electronic database (in the Western Region). *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2012, (12): 372–381. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vktabd>
- Безгин В. Б., Николашин В. П. Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области). *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 243–259. [Bezgin V. B., Nikolashin V. P. Policy of collectivization and peasant resistance (based on materials of Kozlovsky district of Central Chernozem region). *Nauchnyi Dialog*, 2019, (6): 243–259. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-243-259>
- Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с. [Viola L. Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance. Moscow: ROSSPEN, 2010, 367. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qproaoz>
- Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии. *Вопросы истории*. 2022. № 7-2. С. 153–165. [Viazinkin A. Yu. Generation of the "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Problems of historiography. *Voprosy Istorii*, 2022, (7-2): 153–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский пессимизм в период коллективизации 1920–1930-х гг.: анти-советская риторика поколения «революционного перелома». *Вестник архивиста*. 2023. № 3. 753–764. [Viazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant pessimism in the days of collectivization (1920–30s): Anti-Soviet rhetoric of the "revolutionary turning point" generation. *Herald of an Archivist*, 2023, (3): 753–764. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-753-764>
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. Крестьянский традиционализм в годы революционного перелома. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296–1303. [Viazinkin A. Yu., Yakimov K. A. Peasant traditionalism during the era of the "revolutionary turning point". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2022, 27(5): 1296–1303. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>
- Гончарова И. В. Практика социального взаимодействия в черноземной деревне начала 1930-х гг. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018. № 3. С. 11–15. [Goncharova I. V. Practices of social interaction in the "Black earth" village of the early 1930s. *Scientific notes of Orel State University*, 2018, (3): 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/avwaac>
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2008. 136 с. [Ggaziosi A. *The great soviet peasant war: Bolsheviks and peasants, 1917–1933*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjpsfv>
- Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР. *История СССР*. 1990. № 5. С. 7–30. [Danilov V. P. Agricultural collectivization in the USSR. *Istoriia SSSR*, 1990, (5): 7–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzdlrt>
- Зверков Е. А. Коллективизация как форма провокации преступности (на материалах Центрального Черноземья). *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2022. № 4. С. 84–91. [Zverkov E. A. Collectivization as a form of crime provocation (based on the materials of the Central Chernozem region). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*, 2022, (4): 84–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gbjdxo>

- Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с. [Ivnitsky N. A. *The class struggle in the countryside and the elimination of the Kulaks as a class (1929–1932)*. Moscow: Nauka, 1972, 360. (In Russ.)]
- Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с. [Ivnitsky N. A. *Repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933)*. Moscow: IRH RAS, 2000, 350. (In Russ.)]
- Ильиных В. А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области). *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1. С. 71–90. [Ilyinykh V. A. Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region). *Russian Peasant Studies*, 2021, 6(1): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90>
- Ипполитов В. А. Письма в газеты как индикаторы общественных настроений крестьян поколения «революционного перелома» в 1924–1928 гг. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*. 2022. № 4. С. 8–13. [Ippolitov V. A. Letters to newspapers as indicators of public sentiments of peasants from the "revolutionary turning point" generation in 1924–1928. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2022, (4): 8–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxmunw>
- Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с. [Kedrov N. G. *Stalinism bast shoes. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN, 2013, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxvirv>
- Кедров Н. Г. Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки*. 2017. № 1. С. 12–16. [Kedrov N. G. The Russian historiography on the peasantry collectivization: Problems of studying. *Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*, 2017, (1): 12–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xxauoj>
- Мельникова Т. А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2009. № 2. С. 61–71. [Melnikova T. A. Historiography of the agrarian policy of the USSR of the 1930s. *Historical and Social-Educational Idea*, 2009, (2): 61–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzmctb>
- Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8. № 1. С. 108–117. [Pokrovskaya T. Yu. Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages of the Black earth region of Russia. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2022, 8(1): 108–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10>
- Рыбаков П. А. Политика коллективизации и раскулачивания в Рязанском регионе и сопротивление крестьянства ее проведению. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2020. № 1. С. 33–45. [Rybakov P. A. The policy of collectivization and dispossession in the Ryazan region and the resistance of the peasantry to its implementation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*, 2020, (1): 33–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdwwhb>
- Селунская В. М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. *Вопросы истории*. 1956. № 11. С. 195–210. [Selunskaya V. M. On PhD dissertations on the history of collectivization of agriculture in the USSR. *Voprosy Istorii*, 1956, (11): 195–210. (In Russ.)]
- Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей. *Вопросы истории*. 2022. № 8-2. С. 106–128. [Slezin A. A. Rural youth of the first third of the 20th century and its impact on society from the perspective of contemporary researchers. *Voprosy Istorii*, 2022, (8-2): 106–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>
- Слезин А. А., Якимов К. А. Изъяны «революции в быту» в советской России в 1920-е годы: взгляд крестьянства. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 494–515. [Slezin A. A., Yakimov K. A. Shortcomings of "everyday revolution" in Soviet Russia in 1920s: A peasant perspective. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(5): 494–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-494-515>
- Слезин А. А., Якимов К. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х гг. *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 8. С. 453–469. [Slezin A. A., Yakimov K. A. Public sentiment among peasantry of "revolutionary turning point" generation at turn of 1920–1930s. *Nauchnyi Dialog*, 2022, 11(8): 453–469. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>

- Тихомиров Н. В. «Мы одни здесь, как сиротинушки»: деревенская практика ленинградских студентов в начальный период коллективизации. *Новая и новейшая история*. 2024а. № 3. С. 209–227. [Tikhomirov N. V. "We are alone here like orphans": Leningrad students' rural practice in the initial period of collectivization. *Novaya i novejshaya Istoriya*, 2024а, (3): 209–227. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0130386424030166>
- Тихомиров Н. В. «Ожились антисоветские элементы»: дневник колхозной практики студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Весна 1930 г. *Вестник архивиста*. 2024b. № 2. С. 550–565. [Tikhomirov N. V. "Anti-Soviet elements revived": Diary of collective farm practice of students of the Communist University of National Minorities of the West. Spring 1930. *Herald of an Archivist*, 2024b, (2): 550–565. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-2-550-565>
- Тихомиров Н. В. Завершающий этап колхозного строительства в Центральном Черноземье в отчетах студентов ВКСХУ о производственной практике. *Вестник Брянского государственного университета*. 2024с. № 2. С. 166–173. [Tikhomirov N. V. The final stage of collective farm construction in the Central Chernozem region in the reports of VKSU students on industrial practice. *The Bryansk State University Herald*, 2024с, (2): 166–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-02-166-173>
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с. [Fitzpatrick S. *Stalin's peasants. Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 421. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpiyxn>
- Якимов К. А. Протестные настроения тамбовского крестьянства поколения «революционного перелома» на начальном этапе коллективизации. *Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: XXIV Всерос. науч. конф.* (Тамбов, 30 марта 2023 г.) Тамбов: ИД Тамбов, 2023. С. 126–130. [Yakimov K. A. Protest moods of the Tambov peasantry of the "revolutionary turning generation" at the initial stage of collectivization. *Tambov in the past, present and future: Proc. XXIV All-Russian Sci. Conf.*, Tambov, 30 Mar 2023. Tambov: ID Tambov, 2023, 126–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fwavnq>